

УДК [81'42 + 81'366.5] (045)

**СТРУКТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА
И ФОРМИРУЮЩИЕ ЕЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ**

© А. А. Чекалин

*Северный (Арктический) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Россия, 163002 г. Архангельск, ул. Смольный Буян, 7.
Тел./факс: +7 (8182) 66 05 88.
E-mail: philology@narfu.ru*

В статье обосновывается положение об институциональности законодательного дискурса при рассмотрении его через призму теории дискурсивного анализа. Выделяемые в рамках анализа законодательного дискурса параметры, применяемые для его описания, тесно связаны с различными грамматическими категориями, которые выступают в качестве основных средств, оформляющих и формирующих эти параметры и всю структуру законодательного дискурса в целом.

Ключевые слова: *институциональность, дискурс, дискурсивный анализ, структура дискурса, параметры описания дискурса, модус, жанр, грамматическая категория.*

В последнее время в лингвистических кругах широко используются такие термины, как «институциональная коммуникация» [1, с. 9], «статусно-ориентированное общение» [1, с. 10], «институциональный дискурс» [2, с. 19]. Под институциональной коммуникацией понимается общение в рамках сложившихся в обществе институтов, взаимодействие, порожаемое самой деятельностью того или иного социального института [1, с. 17].

Для понимания сути концепции институционального общения и институционального дискурса следует привести наиболее общее определение социального института, под которым понимается организованная система связей и социальных норм, объединяющая значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основные потребности общества. Это исторически сложившаяся, устойчивая и закреплённая в нормах морали и права система общественных отношений, например, семья, государство, право, наука, экономика, политика и т.д. [3, с. 292]. Согласно определению М. Л. Макарова, социальный институт представляет собой культурно-специфическую, нормативно организованную, конвенциональную систему форм деятельности, обусловленную общественным разделением труда и предназначенную для удовлетворения особых потребностей общества [4, с. 206].

Для обслуживания отраженных в данных определениях отраслей человеческой жизни и деятельности необходим язык. Однако язык имеет множество воплощений, используется разными членами одной языковой общности по-разному, употребление языка зависит от множества социальных, культурных, исторических и прочих факторов. Кроме того, каждый социальный институт занимается выполнением, а также контролем за выполнением определенного набора функций. Справедливо, таким образом, предположить, что языковые средства, используемые в рамках конкретного социального института, являются каким-то образом ограниченными, нацеленными на дос-

тижение максимальной эффективности в процессе общения между представителями того или иного института.

Получается, что этот ограниченный набор языковых средств и характеристик и является фундаментальной основой институционального дискурса как специализированной клишированной разновидности общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [5, с. 203] или дискурса, воплощаемого в жизнь в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации [6, с. 43].

Выделение законодательного дискурса в особый самостоятельный тип дискурса оправдано и с точки зрения, определяющей дискурс как общение людей в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе и применительно к конкретной речеповеденческой ситуации [7, с. 117]. Сторонники подобного определения (В. И. Карасик, В. Е. Чернявская, Л. Ю. Щипицина и др.) предлагают выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Персональный дискурс касается каждого индивида в отдельности, определяется его личным языковым поведением и ситуациями взаимодействия с социумом, в нем «говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира» [8, с. 6].

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов [9, с. 191]. Институциональный дискурс подразумевает наличие социокультурной ситуации общения – политической, религиозной, медицинской, законодательной и т.д. Такие дискурсы находятся в постоянном изменении, непрерывно пополняются вследствие того, что ситуации устного и письмен-

ного общения в рамках обозначенных тематик возникают так же непрерывно.

По В. И. Карасику, дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования [5, с. 193], поэтому целесообразным представляется выделение различных типов дискурса, представляющих собой совокупность тематически соотнесенных текстов [10, с. 16], в частности, законодательного дискурса, который соответственно представляет собой совокупность в большей или меньшей степени взаимосвязанных правовых норм, регулирующих правоотношения между гражданами и государством. Язык законодательства обслуживает обширную профессиональную сферу коммуникации как сферу специфической общественной практики, и в связи с этим возникает необходимость изучения и описания огромного разнообразия языковых средств, используемых в данной сфере. По выражению Н. П. Глинской, «язык в праве – это основа существования права как особого социального феномена, это посредник юридического познания и коммуникации» [11, с. 29]. Таким образом, исследование законодательного дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет представить для данного типа дискурса наиболее полное и всестороннее описание, в котором можно учесть как когнитивные, так и коммуникативно-прагматические особенности функционирования языка [12, с. 65].

На основании названных теоретических предпосылок в настоящее время активно развивается новая междисциплинарная область знания, так называемая дискурсология, которая предполагает обозначить предмет своего изучения и пристального внимания общие вопросы природы и функционирования дискурса, а также отдельные типы дискурса, в частности, и такие институциональные дискурсы, как: законодательный, педагогический, медицинский, научный, административный, военный, спортивный, религиозный, семейный и др. [13, с. 8].

Типология и структура дискурса являются основными разделами появившегося во второй половине XX в. дискурсивного анализа, лингвистического направления, объектом изучения которого стали дискурсы в целом. Анализ дискурса обращается к изучению структуры дискурса, типов высказываний внутри него и их последовательностей [14, с. 68], а также характеризует то, как в контексте взаимодействия людей, направленного на достижение каких-либо целей, коммуниканты интерпретируют речь и действия, и предполагает учет экстралингвистических факторов при описании и объяснении рассматриваемого материала, что дает исследователю возможность расширить горизонты интерпретации [15, с. 151].

В процессе описания структуры отдельного типа институционального дискурса предлагается опираться на целый ряд критериев, которые помо-

гают описывать ту или иную коммуникативную ситуацию. Основной характеристикой дискурса, на основании которой различные типы дискурса сопоставляются друг с другом прежде всего, представляется так называемое противопоставление по модусу, или каналу передачи информации [16, с. 5]. Основным противопоставлением по модусу является соотношение устного и письменного дискурса. Применительно к законодательному дискурсу однозначной представляется его принадлежность к письменному типу дискурса, так как издание и публикация законов осуществляются исключительно в письменном режиме и воспринимаются адресатами при прочтении того или иного закона, постановления, распоряжения и т.д. Кроме того, структура законодательного дискурса объективно является довольно сложной для устного порождения и восприятия, что оправдывает рассмотрение данного типа дискурса в рамках письменного модуса.

Различие письменного и устного модуса является не только формальным противопоставлением устно и письменно реализуемых дискурсов, но и несет в себе определенные последствия, определяющие и языковые особенности структуры дискурса. Одним из подобных последствий является наличие или отсутствие контакта между адресантом и адресатом в пространстве и во времени. В письменно реализуемом законодательном дискурсе такого контакта, как правило, не происходит, вследствие чего наблюдается некая отстраненность автора и реципиента от описываемой в дискурсе информации [16, с. 7]. Подобная отстраненность, в частности, выражается в повышенной рекуррентности страдательного залога по сравнению с действительным залогом, например:

(1) Der Zugang kann durch Auskunftserteilung, Gewährung von Akteneinsicht oder in sonstiger Weise eröffnet werden. Wird eine bestimmte Art des Informationszugangs beantragt, so darf dieser nur aus gewichtigen Gründen auf andere Art eröffnet werden [Abschnitt 2 § 3 Abs. 2 des Umweltinformationsgesetzes vom 22. Dezember 2004 (BGBl. I S. 3704)].

Кроме того, в связи с подобной отстраненностью в законодательном дискурсе формируется характерная для него обезличенная персональная структура, в рамках которой полностью отсутствуют личные местоимения 1-го и 2-го лица, замещаемые безличными местоимениями, личными местоимениями 3-го лица, указательными местоимениями либо существительными, называющими субъект или объект действия:

(2) Dieses Gesetz bestimmt, welche Maßnahmen bei der Durchführung der jeweils geltenden internationalen Regelungen zur Schiffssicherheit und zum Umweltschutz auf See (Regelungen) vorzunehmen sind... [§ 1 Abs. 1 des Schiffssicherheitsgesetzes vom 9. September 1998 (BGBl. I S. 2860), das zuletzt durch

Artikel 2 der Verordnung vom 8. März 2012 (BGBl. I S. 483) geändert worden ist].

(3) *Wer ein Schiff zur Seefahrt einsetzt, ist verpflichtet, für dessen sicheren Betrieb und insbesondere dafür zu sorgen, daß es samt seinem Zubehör in betriebssicherem Zustand gehalten und sicher geführt wird und daß die notwendigen Vorkehrungen zum Schutze Dritter und der Meeresumwelt vor Gefahren oder widerrechtlichen Beeinträchtigungen aus dem Betrieb getroffen werden.* [§ 3 des Schiffssicherheitsgesetzes vom 9. September 1998 (BGBl. I S. 2860), das zuletzt durch Artikel 2 der Verordnung vom 8. März 2012 (BGBl. I S. 483) geändert worden ist].

Следующим критерием при описании дискурса является жанровое противопоставление дискурсов. Можно различать различные жанры как различные способы дискурсивной коммуникации [17, с. 26]. Для определения того, к какому жанру относится тот или иной институциональный дискурс, используется так называемая жанровая схема, т.е. последовательность компонентов, которые присутствуют в определенном дискурсе [16, с. 10].

В. И. Карасик рекомендует особое внимание уделять следующим основным компонентам этой схемы «паспортизации» [18, с. 21] дискурса: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии [11, с. 11]. В общем стройная схема, предлагаемая В. И. Карасиком, уделяет, однако, слишком много внимания исключительно экстралингвистическим факторам, фактически не принимая во внимание, например, языковое оформление дискурса, использование в его рамках специфических и характерных исключительно для данного типа дискурса грамматических, лексических и стилистических средств, без которых, по сути, дискурс не мог бы существовать как таковой – поскольку одна только ситуация без языкового оформления не имеет возможности материального воплощения. Поэтому в настоящей статье дана попытка характеристики законодательного дискурса в соответствии с перечисленными критериями, однако с опорой на те грамматические категории, которые способствуют их языковому выражению.

Положения о том, что грамматические категории могут участвовать в организации текста и в обозначении дискурсивного статуса его элементов, уже давно не являются новыми. После того как в лингвистическую науку пришло осознание того, что язык функционирует в виде дискурса, и именно дискурс является единственной наблюдаемой реальностью языка, многие лингвисты начали заниматься изучением арсенала средств, выражающих структурные и функциональные особенности дискурсивных единиц, признавая, что грамматические категории составляют важную часть этого арсенала [19, с. 8].

В отношении законодательного дискурса участниками выступают законодатель, действующий в данном случае как некий обезличенный властный

субъект, т.е. государство в целом, и граждане данного государства, на которых вследствие издания конкретных законов налагаются определенные права или обязанности.

Не представляется возможным точно определить место общения в законодательном дискурсе, так как субъект данного дискурса – это государство. Однако говоря о хронотопе как существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений [20, с. 234], необходимо отметить, что законодательный дискурс характеризуется вневременным характером изложения в совокупности с императивной модальной установкой. Все используемые в рамках данного типа дискурса средства направлены на подчеркнутое выражение модальности предписания, в том числе и грамматические формы времени. Наиболее часто употребляемая форма времени в рамках законодательного дискурса – это так называемое «настоящее предписания» (или долженствования), значение которой состоит в том, чтобы указать на действие, которое следует осуществить в соответствии с требованием закона. Такое действие, как правило, не имеет ограничения во времени, рассматривается в атемпоральном аспекте:

(4) *Die Länder, deren Einnahmen aus der Einkommensteuer, der Körperschaftsteuer, der Gewerbesteuerumlage und aus den nach § 7 Abs. 1 ermittelten Landessteuern je Einwohner unter denen der Ländergesamtheit liegen, erhalten Ergänzungsanteile aus dem Länderanteil an der Umsatzsteuer.* [§ 2 Abs. 1 des Finanzausgleichsgesetzes vom 20. Dezember 2001 (BGBl. I S. 3955, 3956), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 29. Juni 2012 (BGBl. I S. 1424) geändert worden ist].

Для выражения действий, подлежащих исполнению в будущем, используется футуральный презент, заменяющий форму футура I и имеющий значение настоящего предписания:

(5) *Die Frist beginnt im Falle der arglistigen Täuschung mit dem Zeitpunkt, in welchem der Anfechtungsberechtigte die Täuschung entdeckt...* [Buch 1 Abschnitt 1§ 124 Abs. 2 des Bürgerliches Gesetzbuches in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 10. Mai 2012 (BGBl. I S. 1084) geändert worden ist].

С императивным характером законодательного дискурса напрямую связана его основная цель, которая заключается в побуждении адресата к определенному поведению (действию или бездействию), что в рамках данного типа дискурса достигается путем прямых или косвенных приказов и запретов. Основной ценностью законодательного дискурса является законность, характеризуемая исполнением гражданами тех обязанностей, которые налагает на них законодатель. Кроме того, к ценности законодательного дискурса можно отнести порядок в государстве и свободное исполнение

гражданами своих прав, что является показателем правового государства.

Стратегиями дискурса называются комплексы речевых действий, направленные на достижение коммуникативных целей [10, с. 122]. Закон дает четкие, ясные требования, указания к действию, явно устанавливает и разграничивает права и обязанности как законодателя, так и различных групп лиц. Закон не допускает колебаний и двусмысленного толкования его положений и статей, не принимает их эмоциональной оценки, избегает предположений, допущений, изъявления каких-либо желаний без наличия на то особой необходимости. В законодательном дискурсе формы индикатива соответствуют всем данным требованиям.

Следует отметить, что, несмотря на полное отсутствие форм императива, каждое предложение в законодательном дискурсе наполнено предписывающей информацией. Подобный эффект достигается посредством использования настоящего времени, прямого порядка слов, пассивного залога, а также особых глаголов предписания и близких им по смыслу выражений (*sich verpflichten, ermächtigen* и т.д.):

(6) *Die zuständigen Landesbehörden sind verpflichtet, dem Bundesministerium der Finanzen die zur Durchführung dieses Gesetzes erforderlichen Auskünfte zu erteilen und ihre sachliche Richtigkeit von der obersten Rechnungsprüfungsbehörde des Landes bestätigen zu lassen.* [Abschnitt 3, § 18 des Finanzausgleichsgesetzes vom 20. Dezember 2001 (BGBl. I S. 3955, 3956), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 29. Juni 2012 (BGBl. I S. 1424) geändert worden ist].

(7) *Die Bundesregierung wird ermächtigt, zur Erfüllung der Verpflichtungen aus den Durchführungsbestimmungen nach Artikel 5 Absatz 4, Artikel 7 Absatz 1, Artikel 16, Artikel 17 Absatz 8 sowie Artikel 21 Absatz 4 der Richtlinie 2007/2/EG, soweit diese den Anwendungsbereich dieses Gesetzes betreffen, Rechtsverordnungen ohne Zustimmung des Bundesrates zu erlassen* [Abschnitt 6, § 14 des Geodatenzugangsgesetzes vom 10. Februar 2009 (BGBl. I S. 278)].

Интересно отметить, что в отношении глаголов *verpflichten* и *ermächtigen* прослеживается определенная закономерность: первый употребляется преимущественно по отношению к адресату законодательного дискурса, а второй – для выражения воли самого законодателя.

На основании рассмотренных теоретических положений, можно утверждать, что рассматриваемый в настоящей работе законодательный дискурс относится к типу институциональных дискурсов, берущих свое начало в одном из основополагающих институтов общества, в данном случае в рамках института взаимодействия и взаимоотношений государства и общества посредством издания законов, регулирующих поведение объектов, то есть граждан государства, в соответствии с нормами и правилами, устанавливаемыми субъектом, то есть

самим государством, в связи с существующими в данном государстве моральными, историческими, политическими и культурными традициями.

Законодательный дискурс, кроме того, обладает чертами, присущими институциональным дискурсам в целом. Одной из таких черт является «ритуализованность жанра в границах определенного институционального пространства: чем выше уровень ритуализованности, тем менее допустимы какие-либо отклонения и тем более жесткими санкциями они караются» [1, с. 21–22].

Действительно, такие элементы «ритуализованности», как отсутствие новизны и предсказуемость написанного, характерны для законодательного дискурса в особой мере. Все законы характеризуются однозначностью, непреложностью, строгим регулированием всех возможных отраслей жизни.

Предсказуемость языковой структуры законодательного дискурса проявляется в использовании клишированных, стереотипных лексических, грамматических и стилистических конструкций, построенных таким образом, чтобы в конкретной коммуникативной ситуации их можно было максимально легко воспроизвести. Такая организация законодательного дискурса демонстрирует логическую последовательность в изложении информации и выстраивает цепь, звенья которой отображают своего рода семантическую гомогенность. Читающий должен осознавать, что одно утверждение естественным образом связывается с предшествующим высказыванием [21, с. 36].

Подобная «ритуализованность» в языковом оформлении законодательного дискурса связана с фактом экстралингвистическим, выходящим за рамки исследований языкознания и диктуемым, скорее, социальной, или институциональной (в данном случае – законотворческой) практикой. Речь идет о требовании к оформлению юридической нормы, или нормы права, под которой в юриспруденции понимается установленное или санкционированное государством общеобязательное правило поведения общего характера, которое рассчитано на неопределенное число однотипных случаев и обращено ко всем и к каждому, оказавшимся в предусмотренной нормой жизненной ситуации [22].

Норма права, как правило, имеет универсальное четкое внутреннее построение, применимое к каждой из таких норм. Полная структура нормы права носит трехзвенный характер: «Если ... - то ... - иначе ... » и состоит из гипотезы, диспозиции и санкции [23], например:

(8) *Wird an einem Bahnübergang eine Maßnahme nach § 3 durchgeführt, so hat jeder Beteiligte seine unveränderten Erhaltungs- und Betriebskosten ohne Ausgleich zu tragen* [§ 15 Abs. 3 des Eisenbahnkreuzungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 21. März 1971 (BGBl. I S. 337), das zu-

letzt durch Artikel 281 der Verordnung vom 31. Oktober 2006 (BGBl. I S. 2407) geändert worden ist].

В данном случае первая часть предложения представляет собой гипотезу («если»), которая построена при использовании вневременного презенса пассивного залога. Вторая часть является диспозицией («то»), в которой к значению атемпоральности прибавляется оттенок долженствования, усилимый лексической конструкцией *haben + zu + Infinitiv*.

Гипотеза закрепляет юридические факты (действия, события, состояния), при наличии которых на практике приводится в действие и реализуется диспозиция нормы. Диспозиция предписывает вариант поведения при условиях, определенных в гипотезе (юридическая обязанность, разрешение или запрет). Наконец, санкция определяет негативные последствия, наступающие для нарушителя диспозиции нормы [23].

Из всех структурных составляющих нормы не всегда присутствует только санкция, так как не все нормы носят запретительный характер и не все нормы предусматривают наступление в случае их невыполнения негативных последствий для того или иного лица.

В общем и целом требование к структурированию нормы права диктуется институционально, оно предусматривается и формулируется самим институтом законодательства, а законодательный дискурс в данном случае применяется как средство, обслуживающее данный институт и, следовательно, подчиняющееся установленной структуре, что придает законодательному дискурсу определенную специфику в его языковом оформлении, которая отличает его от всех остальных институциональных дискурсов.

На основании вышесказанного представляется целесообразным утверждать, что структура законодательного дискурса напрямую зависит от входящих в состав данного типа дискурса грамматических категорий. Необходимо подчеркнуть, что грамматические категории, формирующие законодательный дискурс и придающие ему характерные жанровые особенности, выступают не обособленно, а по принципу конвергенции, т.е. во взаимодействии друг с другом. Именно поэтому можно говорить не о структуре отдельного законодательного текста, а о структуре законодательного дискурса в целом, так как применяемые для анализа последнего параметры не будут варьироваться от текста к тексту в рамках дискурса, а будут выступать в качестве дискурсивной универсалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 200 с. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (597). Сер. Языкознание).
2. Баранова Н. А. Деловой дискурс как разновидность институционального дискурса профессионально-ориентированного общения // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: Вып. 3. Архангельск: ПГУ, 2009. С. 19–23.
3. Санжаревский И. И., Титаренко В. А. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. Тамбов: изд-во ОГУП «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2002. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: http://politlogia.narod.ru/s/SANZ_SOC/g-062.htm
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс ... д-ра филол. наук Волгоград, 2000. 440 с.
7. Щипицина Л. Ю. К вопросу о параметрах описания дискурсов // Лингвистика. Обучение. Культура: Вып. 2. Архангельск, 2009. С. 116–133.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
9. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград: Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.
10. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11–22.
11. Глинская Н. П. Основные тенденции развития лексической системы судебного дискурса (на материале корпуса судебных решений Верховного суда США за период с 1789 по 2009 год) // Вестник Моск. ун-та: Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №4. С. 28–38.
12. Шевырдяева Л. Н. Язык судебного дискурса как семиологическая система (на материале решений Верховного суда США) // Вестник Моск. ун-та: Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №1. С. 64–73.
13. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурология») Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 177 с.
14. Ulrich W. Linguistische Grundbegriffe: Wörterbuch / von Winfried Ulrich. 5., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin; Stuttgart: Gebrüder Borntraeger Verlagsbuchhandlung, 2002. 351 S. (Hirts Stichwortbücher).
15. Самойлова А. Д. Дискурс: к проблеме определения понятия // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. статей. / Под ред. О. Л. Михалевой. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 150–163.
16. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. №2. С. 3–21.
17. Fairclough, N. Analysing Discourse / Norman Fairclough. London: Routledge (Taylor and Francis), 2003. 288 p.
18. Степанов В. Н. О понятии «дискурса» // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологи: межвуз. сб. науч. тр. Ярославль: Воронеж: Истоки, 2002. С. 15–31.
19. Плуныян В. А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плуныян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчева. М.: Гнозис, 2008. С. 7–36.
20. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
21. Nakobyan A. Syntactic-Stylistic Devices in the Texts of Constitutions // Armenian Folia Anglistica. International Journal of English Studies. 1(5), Yerevan. 2008. P. 35–38.
22. Шарце М. Г. Теория государства и права. [Электронный ресурс]. URL: http://www.studyLaw.narod.ru/sharce/sharce_11.htm
23. Дяконов В. В. Учебное пособие по теории государства и права. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc/108p0/instrum151/item/2776.html>

Поступила в редакцию 19.02.2013 г.